

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

С. И. ВАЙНШТЕЙН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕЛИКСА ЯКОВЛЕВИЧА КОНА

В этнографическом изучении Сибири конца XIX — начала XX в. важнейшую роль сыграли исследования ссыльных революционеров. Среди них значительное место занимают научные изыскания Феликса Яковлевича Кона. Имя этнографа и антрополога Ф. Я. Кона можно поставить в один ряд с именами таких крупных ученых, также вышедших из среды ссыльных революционеров, как В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, В. Л. Серошевский, В. И. Иохельсон.

Ф. Я. Кон известен в нашей стране и за рубежом как выдающийся деятель международного рабочего движения и Советского государства¹, что касается его плодотворной деятельности в области антропологии и этнографии, то она, к сожалению, не нашла до сих пор своего отражения в истории науки.

Ф. Я. Кон родился в 1864 г. в Варшаве. Юношей Кон вступил в польскую партию рабочего класса «Пролетариат» и принимал активное участие в революционной борьбе. В 1885 г., будучи студентом юридического факультета Варшавского университета, он был арестован царской охранкой и приговорен судом к каторжным работам на 10 лет 8 месяцев с длительным поселением в Сибири. Закованный в кандалы Кон проделал огромный путь по этапу до Нерчинского округа в Забайкалье, где был помещен в Карийскую каторжную тюрьму. Тяжелые тюремные условия не сломили мужественного революционера. В тюрьме Кон воспользовался существовавшей там библиотекой и энергично занялся самообразованием². Здесь же зародился у него глубокий интерес к во-

¹ В 1964 г. отмечалось столетие со дня рождения Ф. Кона, в связи с чем был опубликован ряд статей, см.: В. А. Радусь-Зенкевич, Стойкий революционер, газ. «Правда», 1964, № 151; С. Дзержинская, Интернационалист, трибун, ученый, газ. «Известия», 1964, № 128; В. С. Нёволина, Феликс Яковлевич Кон (к 100-летию со дня рождения), «Вопросы истории КПСС», 1964, № 5, стр. 77—81; Х. М. Сейфулин, Феликс Яковлевич Кон (к 100-летию со дня рождения), «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», XI, Кызыл, 1964, стр. 350—358; «W setna rocznice urodzin Feliksa Kona», газ. «Trybuna Ludu», 1964, № 131.

² В тюрьме политическими заключенными была создана библиотека из книг, которые они получали в посылках. Среди книг были марксистская литература, этнографические работы. Заглавные страницы марксистских книг были заменены страницами из других книг, не вызывавших опасения охранки. Эта библиотека политических заключенных после закрытия Карийской тюрьмы была передана Читинскому отделению Географического общества.

просам этнографии и антропологии. Впоследствии Кон писал, что Каторжская каторжная тюрьма стала для него «университетом»³.

После выхода из тюрьмы в 1891 г. Кон был поселен в Якутии, где находился под надзором полиции. Многие политические ссыльные были там тесно связаны с местным населением, вели среди якутов культурно-просветительную и политическую работу. «Отношения политических ссыльных и якутов, если не говорить о единичных случаях, — вспоминает Кон, — были очень хороши»⁴.

Именно здесь, в Якутии, из среды политических ссыльных выдвинулось, как известно, много крупных ученых-этнографов, таких как В. Л. Серошевский, В. И. Иохельсон, Э. К. Пекарский, В. Ф. Трошанский, В. Г. Богораз, В. М. Ионов, Н. А. Виташевский, И. И. Майнов, Л. Г. Левенталь и др.

В феврале 1892 г. Кон поселился в Намском улусе, расположенном в нескольких десятках километров от Якутска. Здесь же он выполнил свое первое историко-этнографическое и социологическое исследование. В Хатын-Арынском селении, где он проводил подворную перепись в связи с изучением проблемы земледелия в Якутии⁵, жили ссыльные скопцы. Кон решил исследовать их быт и хозяйство. Его статья, посвященная этому, была напечатана в 1896 г.⁶ Кон обследовал также хозяйственную деятельность и быт русских жителей небольшой Никольской слободки в Намском улусе и опубликовал в 1898 г. результаты своих наблюдений⁷.

В 1894 г. Ф. Кон получил приглашение участвовать в Сибиряковской этнографической экспедиции, организованной руководителем Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества Дмитрием Александровичем Клеменцем. Финансировал экспедицию ленский золотопромышленник Иннокентий Сибиряков, он же был ее инициатором. В экспедицию, помимо Ф. Кона, были приглашены политические ссыльные В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Н. А. Виташевский, Э. К. Пекарский, И. И. Майнов и др. Разрешение на их участие в экспедиции было получено лишь благодаря содействию крупных ученых — вице-президента Географического общества П. П. Семенова и известного тюрколога В. В. Радлова.

В задачу Ф. Кона входили антропологические исследования якутов и русского населения Якутии по программе, подготовленной руководителем антропологических исследований экспедиции И. И. Майновым. По первоначальному плану исследования должны были охватить каждый якутский улус, но по независящим от Кона обстоятельствам сделать это не удалось. Ему пришлось ограничить свою работу наследиями Намского улуса, но зато программа исследований была расширена. Изучалась не только антропология, но и этнография якутов.

Дважды — в январе 1894 и в феврале 1895 г. — участники экспедиции в полном составе собирались в Якутск на совещание, где обсуждались научные, организационные и финансовые вопросы. Нужно отметить, что Кон, в отличие от других участников экспедиции, работал все время

³ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. II, М., 1933, стр. 99.

⁴ Ф. Кон, На поселение в Якутской области, журн. «Каторга и ссылка», 1928, № 12, стр. 85; см. также: Н. А. Виташевский, Старая и новая якутская ссылка, СПб., 1907, стр. 30—31.

⁵ [Ф. Кон] к статье «К вопросу о развитии земледелия в Якутской области», «Памятная книжка Якутской области на 1896 год», Якутск, 1895, стр. 147—167.

⁶ Ф. Кон, Хатын-Арынское скопческое селение, «Изв. Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества», т. XXVI, № 4—5, 1896, стр. 58—117.

⁷ Ф. Кон, Никольская слободка Намского улуса Якутского округа, «Сибирский сборник» — приложение к газете «Восточное обозрение» за 1898 год, Иркутск, 1898, стр. 170—187.

лишь на свои чрезвычайно скудные средства и никаких пособий из сибиряковских сумм не требовал⁸.

Материалы исследований Кона легли в основу монографии, опубликованной им через несколько лет⁹. Свою монографию, которая содержит не только антропологические, но и этнографические материалы, он предваряет вступительной главой, в которой дает характеристику быта якутов Намского улуса. Автор показывает социальное расслоение якутского улуса, раскрывает особенности эксплуатации рядовых якутов местными тойонами, приводит примеры такой эксплуатации. Отмечает Кон и существенные различия в быте зажиточных и бедных якутов, в частности — в их жилищах¹⁰. В работе приведены результаты антропологического исследования различных половозрастных групп якутов: измерений роста, окружности груди, температуры тела, пульса, дыхания. Включены также данные, полученные в результате динамометрических и ряда других физиологических наблюдений. Важное место занимают в работе семейно-брачная жизнь, беременность, роды и уход за ребенком. Весьма подробно рассматриваются болезни якутов, причем автор подчеркивает роль социальных условий в их распространении. Уделено внимание и таким вопросам, как эмирячество¹¹, шаманство. Кон приходит в своих наблюдениях к интересному, подтвержденному позднее выводом, что эмирячество как своеобразное нервное заболевание, передается по наследству, что эмиряки в большинстве своем — потомки шаманов и шаманок¹². Отмечает автор и то, что сами шаманы и шаманки — нервнобольные люди. А касаясь причины воздействия шаманов в процессе камлания на окружающих, он объясняет это, в частности, явлениями гипноза¹³.

В статье Кона «Из Якутска», опубликованной в журнале «Новое слово» в 1897 г., Кон в рамках возможностей, предоставившихся царской цензурой, указывает, что царизм стремится внести раздор в отношения между ссыльно-поселенцами и коренными жителями — якутами и решительно выступает против использования Якутии как места ссылки¹⁴.

В 1895 г. Кон переехал из Якутии сначала в Иркутск, а затем, по требованию генерал-губернатора, поселился в небольшом заштатном городке Балаганске. Здесь он продолжал обработку этнографических и антропологических материалов, собранных в Якутии, начал сотрудничать в известной либеральной сибирской газете «Восточное обозрение», где подписывал свои корреспонденции К. О. Н.¹⁵

Летом 1897 г. Ф. Я. Кон получил разрешение переехать в г. Минусинск. По соседству с Минусинском в с. Шушенском с 1897 г. находился в ссылке Владимир Ильич Ленин. В сентябре 1897 г. Ленин ездил в Минусинск, где познакомился с проживавшими там ссыльными, среди которых был Кон¹⁶.

⁸ Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский и Л. Г. Левенталь, Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов, «Труды Комиссии по изучению Якутской АССР», т. IV, Л., 1926, стр. XV.

⁹ Ф. Кон, Физиологические и биологические данные об якутах (антропологический очерк), Минусинск, 1899; см. также рецензию Д. Никольского на эту книгу («Русский антропологический журнал», 1900, № 1, стр. 120).

¹⁰ Ф. Кон, Физиологические и биологические данные об якутах, стр. 3.

¹¹ Форма «полярной истерии», распространенная в прошлом в Северной Сибири.

¹² Ф. Кон, Физиологические и биологические данные об якутах, стр. 81.

¹³ Там же.

¹⁴ Ф. Кон, Из Якутска, журн. «Новое слово», 1897, кн. 5.

¹⁵ Рассказы и публицистические заметки Кона печатались в «Восточном обозрении» вплоть до 1903 года. См.: К. О. Н., Из сказок сибирской действительности, газ. «Восточное обозрение», 1903, № 259, 261.

¹⁶ См. В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 37, стр. 64.

Минусинский музей и его руководитель Н. М. Мартьянов сыграли важную роль в научной деятельности Кона. По предложению Мартьянова, он проделал большую исследовательскую работу над архивами Минусинского музея; в результате им была написана солидная монография о музее, опубликованная в 1902 г. в Казани¹⁷. В вступительном разделе монографии дана краткая история изучения Сибири, в особенности ее южной части. В пятнадцати главах книги обобщен огромный материал по истории создания и работы музея в течение двадцати пяти лет. В книге приведены ценнейшие сведения по истории изучения природы Минусинского округа, его археологии и этнографии.

Годы, проведенные Коном в Минусинске (1897—1904), были периодом его наиболее интенсивной этнографической работы.

Кон задумывает здесь большой и интересный труд «Эволюция брака у якутов». В его архиве мною была обнаружена незавершенная рукопись этого труда. Кон писал: «Для изучения эволюции якутского брака до сих пор сделано крайне мало. Горсть фактов, сообщенных г. Серошевским, статья «Якутский род до и после прихода русских» — в «Якутской памятной книге на 1896 год» и критика на нее госп[одина] В. С. Е. в «Известиях Восточно-Сибирского отдела ИРГО», странички четыре в «Сборнике обычного права сибирских инородцев» Д. Я. Самоквасова и «Брачное право у якутов» Д. М. Павлинова.

Для наших целей имеют громадное значение не только форма брака в настоящем, но и в прошлом, ввиду чего мы решаемся уклониться в сторону от нашей непосредственной задачи и дать здесь по возможности сжатый очерк эволюции брака»¹⁸.

В своей работе Кон обращает внимание на ряд пережиточных явлений в семейно-брачных отношениях у якутов — матрилинейность родства, матрилокальность брака, переуступка жен и пр. Однако не все материалы одинаково ценны. В некоторых случаях Кон несколько преувеличивает значение отдельных фактов для исторических выводов. Так, на существование в прошлом гостеприимного гетеризма, по его мнению, указывает содержание одного из олонхо, записанного им в Хаты-Арынском наслеге Намского улуса под названием «Младенец-сирота». Кон пишет, что герой олонхо, скитавшийся по белу свету, подъехал на черно-вороном запоздалорожденном коне к юрте божественной шаманки Тууярыкса Коо-удаган. Наевшись досыта, разделся догола, лег на приготовленный орон и лежал, не засыпая, ожидая возвращения хозяйки, полагая, что она ляжет с ним. Но легла с ним не хозяйка, а «подставная баба»¹⁹. В набросках к этой книге Кон привел многочисленные параллели из семейно-брачных отношений у качинцев, бурят и других народов. На основании собранных материалов Кон приходит к выводу, что «существование в прошлом матриархата у якутов кажется в высшей степени вероятным, а существование у них экзогамии бесспорно установлено»²⁰. Нужно сказать, что Ф. Кон, находясь под влиянием марксистской теории развития общества, подходил к оценке многих этнографических явлений более глубоко, чем официальная наука в России конца XIX в.

В период пребывания в Минусинске в конце 1890-х гг. Кон вел также полевые этнографические исследования среди русских старожилов,

¹⁷ Ф. Н. Кон, Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902), Казань, 1902; см. также: Ф. Кон, К 25-летию Минусинского местного музея, «Русский антропологический журнал», 1902, № 1, стр. 58—61.

¹⁸ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в дальнейшем ЦПА ИМЛ), ф. 135, оп. 1, ед. хр. 40, л. 266.

¹⁹ Там же, л. 256.

²⁰ Там же, л. 24.

качинцев и сагайцев. Свое увлечение исследованием быта русского населения Кон объясняет не только чисто научным этнографическим интересом. Он писал: «Изучение, в особенности русского населения края со всей той тьмой, в которой оно прозябало, захватило меня еще с другой стороны. Живя своими интересами, увлекаясь народничеством, русская интеллигенция, даже сталкиваясь с народной массой, не только не знала ее, но даже не пыталась узнать»²¹.

Осенью 1900 г. Коном была закончена работа «Свадебные обычаи у минусинских старожилов», предназначенная для опубликования в «Этнографическом обозрении», но так и не изданная²². В предисловии к работе Кон сообщает, что она написана как на основании личных наблюдений автора, так и по материалам Ф. Ф. Девятова и И. И. Лыткина, хранившимся в архиве Минусинского музея²³. Большой раздел посвящен так называемым «вечеркам», на которых происходило сближение молодых людей. Значительный интерес представляет описание любовной магии, вера в которую была распространена у русских старожилов еще в конце XIX в. Описаны разнообразные магические приемы — «присушки» и «отсушки» — представляющие большой этнографический интерес²⁴. Заключительный раздел работы посвящен свадьбе; в нем подробно описано сватовство, отдельные этапы свадебного обряда, приведены многочисленные свадебные песни²⁵.

Находясь в Минусинске, Ф. Я. Кон систематически собирал также песенный фольклор русских старожилов. В 1903 г. в «Этнографическом обозрении» были опубликованы сорок девять игровых, хороводных и свадебных песен, записанных Коном²⁶.

Этнографические материалы о быте русских старожилов легли в основу ряда его рассказов. В одном из них — «На всю жизнь» Кон очень убедительно сумел показать нелепость и жестокость патриархального свадебного обычая общественного осуждения молодой женщины, не сохранившей до брака девственности²⁷.

В другом рассказе «В потемках», также посвященном русским старожилам Сибири, обрисована роль промысловой магии в жизни охотника Егора Лукьянова, цепкая сила сковавших его темных суеверий²⁸. В этих и других рассказах Кон выступает и как наблюдательный художник, и как ученый этнограф, и как гражданин, которого глубоко волнует современная ему действительность.

Кон уделял также серьезное внимание изучению культуры и быта различных групп хакасов, в особенности качинцев и сагайцев. В 1900 г. им была опубликована в «Русском антропологическом журнале» небольшая, но ценная статья «Беременность, роды и уход за ребенком у качинок»²⁹.

Наиболее важное значение для этнографии имела экспедиция Феликса Яковлевича Кона в Туву (в Сойотию, как тогда Тува именовалась), совершенная им в 1902—1903 гг. по поручению Восточно-Сибир-

²¹ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. II, стр. 281.

²² Рукопись хранится в Архиве Ин-та этнографии АН СССР, М., фонд Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, № 69, л. 1—27 с об., всего 54 страницы (Кон писал на обеих сторонах листа).

²³ Там же, л. 2.

²⁴ Там же, л. 106—13.

²⁵ Там же, л. 19—23.

²⁶ Ф. Кон, Из песен Западной Сибири, «Этнографическое обозрение», 1903, т. IV, стр. 99—114.

²⁷ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. II, стр. 270.

²⁸ Там же, стр. 271—281.

²⁹ Ф. Кон, Беременность, роды и уход за ребенком у качинок, «Русский антропологический журнал», 1900, № 4, стр. 58—61.

ского отдела Русского географического общества. До экспедиции Кона Тува была очень слабо изучена в этнографическом отношении.

В результате экспедиции Кону удалось собрать большой и чрезвычайно ценный материал. И несмотря на то, что лишь сравнительно небольшая часть этих материалов была опубликована в форме кратких отчетов и одного литературно обработанного очерка³⁰, они остаются первым наиболее полным описанием культуры и быта тувинцев.

Нужно сказать, что до последнего времени были известны, хотя и никем не описаны, лишь этнографические коллекции, собранные Коном в Туве; что касается его этнографических дневников, то они считались безвозвратно утерянными. Характерно в этом отношении мнение, высказанное крупным сибиреведом В. И. Дуловым: «К сожалению, Ф. Я. Кон смог напечатать лишь предварительный отчет о результатах этой экспедиции. Впоследствии, в годы мировой войны, часть полевых записей и дневников, особенно за первый год путешествия, была потеряна, а вышедшая в полном собрании сочинений Ф. Я. Кона «Экспедиция в Сойотию» не могла компенсировать утрату этих ценных материалов»³¹.

После длительных розысков в различных архивах и музеях автору настоящей статьи удалось обнаружить большую часть из экспедиционных дневников Кона в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС³². Дневники эти интересны не только тем, что они позволяют значительно полнее представить ход экспедиционных исследований Кона, но и содержат, наряду с изданными, ряд ценных этнографических материалов о тувинцах, ранее нигде не публиковавшихся.

В ходе розысков неопубликованных этнографических материалов Кона, в архиве семьи его дочери Елены Феликсовны Усиевич были обнаружены бумаги, включавшие записи Кона в период подготовки экспедиции в Туву. Среди них находились ценнейшие обширные выписки из различных архивных документов 1861—1901 гг., касающихся Тувы, а также неизвестная ранее «Летопись священника Путинцева», посвященная главным образом истории заселения Тувы русскими во второй половине XIX в. Эти материалы Кона переданы мною в Архив Института этнографии АН СССР (Москва)³³.

Феликс Яковлевич Кон, получив в 1901 г. через Н. М. Мартыанова приглашение Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества провести этнографические исследования в Туве, почти сразу же дает на него положительный ответ, в котором отмечает необходимость, наряду с изучением быта тувинцев приобрести этнографические коллекции «ввиду важности, какую представляет изучение каждого отдельного предмета»³⁴.

В 1901 г. Ф. Я. Коном совместно с Г. П. Сафьяновым была составлена детальная (на 24 страницах) рукописная «Программа исследований в Урянхайской земле» (Урянхай — официальное название Тувы в рус-

³⁰ [Ф. Кон] Исследования Ф. Я. Кона о земле урянхов, «Русский антропологический журнал», 1902, № 4, стр. 116—120; [Ф. Я. Кон] Предварительный отчет по экспедиции Ф. Кона, Изв. ВСОРГО, 1903, т. XXXIV, № 1, стр. 19—68; его же, Экспедиция в Сойотию, «За пятьдесят лет», т. III, М., 1934.

³¹ В. И. Дулов, Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в., М., 1956, стр. 12. См. также рецензии на книгу Кона: Х. М. Сейфуллин, журн. «Революционный Восток», 1934, № 3, стр. 222—223; В. Богданов, «Сов. этнография», 1934, № 5, стр. 125—127.

³² ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, ед. хр. 42 (дневники), ед. хр. 157 (фотографии), ед. хр. 44 (перечень предметов, включенных в этнографические коллекции).

³³ Архив Ин-та этнографии АН СССР, фонд. Ф. Я. Кона, ед. хр. 1 и 2.

³⁴ Там же, ед. хр. 1, л. 1.

ских документах до Октябрьской революции.— С. В.)³⁵. Она состояла из трех разделов: географические и исторические сведения; антропологические сведения; этнографические сведения. Третий, наиболее обширный раздел, предусматривал собирание материалов по верованиям, материальной культуре и семейным отношениям. Большое внимание было уделено в программе выяснению вопросов национального самосознания. Она включала, например, такие вопросы: «Как называют сойоты (прежнее название тувинцев.— С. В.) себя, свою страну и соседей? Есть ли разница между названием «сойя» и «тува», «тува кижиси»? Есть ли общее название для всей территории, заселенной сойотами, или же они дают название лишь каждой отдельной местности — от гор, рек, памятников старины? Названия, даваемые сойотами ближайшим соседям... В чем видят сойоты главное отличие их от других народов (в виде подданства, языка, обычаев, территории)?»³⁶ Были включены в программу и вопросы социальных отношений — «разделение хозяйств на классы»³⁷.

Когда Кон уже выехал в экспедицию, обнаружилось препятствие, чуть не сорвавшее поездку. Тува в то время находилась за пределами России. Кон был политическим ссыльным, а для выезда за пределы России был необходим заграничный паспорт. Местная администрация отказалась выдать его ссыльному, хотя и возглавлявшему, как значилось в «высоких» официальных бумагах, этнографическую Засаянскую экспедицию. Кону пришлось возвратиться в Минусинск и сообщить обо всем Д. А. Клеменцу — одному из организаторов экспедиции, жившему в то время в Петербурге. «Телеграмма вызвала переполох во многих ученых учреждениях, — вспоминает Кон. — Известия о Засаянской экспедиции уже проникли за границу. Программа предстоящих исследований была напечатана в целом ряде научных изданий. И вдруг... такой крах»³⁸. Благодаря энергичным стараниям Клеменца и содействию вице-президента Географического общества П. П. Семенова разрешение на выдачу заграничного паспорта было все же получено, и Кон смог выехать в экспедицию. Экспедиция, продолжавшаяся с весны 1902 г. до осени 1903 г., состояла как бы из двух периодов, разделенных кратковременным пребыванием Кона в Минусинске в конце 1902 — начале 1903 г.

В первый период экспедиции (1902 г.) Ф. Я. Кон изучал западные группы тувинцев, населявших преимущественно бассейн Хемчика. Он проводил здесь антропологические измерения, собирал краниологические материалы, отмечал встречающиеся археологические памятники, но главное внимание уделял этнографическим исследованиям. В опубликованном в конце 1902 г. отчете приведены сведения по родоплеменному делению тувинцев, взаимоотношениям их с русскими, по их жилищам, одежде, верованиям, погребальному обряду и тувинско-монгольским связям³⁹.

Маршруты второго периода экспедиции (1903 г.) охватили центральные и восточные районы Тувы, населенные родоплеменными группами ойнарлов, салджаков, маады, тоджинцев. Кон изучал также быт русских старожилов, живших на территории Усинского пограничного округа и в Туве. Отчет о втором периоде экспедиции был опубликован в 1904 г. в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического

³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, ед. хр. 42. См. также «Программа экспедиции в Урянхайскую землю Ф. Я. Кона и Г. П. Сафьянова», Изв. ВСОРГО, т. XXXV, № 1, 1904, стр. 72—91.

³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 42, л. 2.

³⁷ Там же, л. 11.

³⁸ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. III, стр. 19, 20.

³⁹ «Русский антропологический журнал», 1902, № 4, стр. 116—120.

общества». Отчет включал материалы о жилище, утвари, пище, охотничьем и рыболовном промыслах, ремеслах, играх, развлечениях, верованиях и фольклоре⁴⁰.

Следует также отметить, что Кон, как это явствует из его дневника, делал тувинцам прививки против оспы, выполнив очень важную миссию, так как в Туве в то время не было ни одного медицинского работника.

В августе 1903 г., после завершения экспедиции, Кон сделал в Иркутске отчетный доклад о ней на закрытом заседании комитета Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (открытое заседание было запрещено генерал-губернатором, так как Кон был политическим ссыльным). В протоколе этого заседания, в частности, отмечено, что «Ф. Я. Кон в первую экспедицию (первый период.— С. В.) применял стационарную систему, а во вторую — разъездную. Первый способ позволял внимательно изучать типические стороны быта, завязать близкие сношения и заручиться широким содействием местного населения... Вторая половина (экспедиции.— С. В.) была посвящена изучению вариаций...»⁴¹. За проведенную экспедицию Кон получил благодарность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, а Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии присудило Феликсу Яковлевичу Кону премию им. А. П. Расцветова и золотую медаль.

В экспедиции Кон вел дневник ежедневно. Сохранившаяся часть дневника включает более 50 авторских листов (624 страницы убористого текста) и охватывает почти весь период работы экспедиции. Небольшая часть дневника, содержащая первые дорожные впечатления на пути из Минусинска до р. Хемчик, погибла в 1914 г., в начале первой мировой войны, в г. Львове⁴². Записи в дневнике свидетельствуют об огромной трудоспособности Кона, о том, что несмотря на большие трудности, он вел работу с предельным напряжением, просыпался «по обыкновению в 4»⁴³, не прекращал работу даже в те дни, когда был болен.

В дневнике дана также очень ценная сводка замечаний на книгу Е. К. Яковлева «Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея», в которой приведены этнографические сведения о Туве. 5 ноября 1902 г. Кон отмечает: «Начал записывать заметки по поводу Яковлева 28/X и лишь сегодня кончил. За это время успел похворать... Приобрел опять грудку новых предметов для коллекций и довольно много фотографировал»⁴⁴.

Этнографические материалы, содержащиеся в дневнике, очень разнообразны. Большое место в нем занимают фольклор — песни, сказки, предания, записанные по-тувински. Как правило, на левой стороне листа тувинский текст, на правой — русский перевод⁴⁵. Лишь сказки «Про черного шамана и его сына», «О большой медведице»⁴⁶ и «Хуванек Мерген»⁴⁷ не имеют в дневнике перевода. Эти сказки Коном не опубли-

⁴⁰ [Ф. Я. Кон] Предварительный отчет по экспедиции Ф. Кона, Изв. ВСОРГО, 1903, т. XXXIV, № 1, стр. 19—68.

⁴¹ Протоколы заседаний Распорядительного комитета, Изв. ВСОРГО, 1903, т. XXXIV, № 2, стр. 125.

⁴² Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. III, стр. 220.

⁴³ ЦПА ИМЛ, д. 135, оп. 1, ед. хр. 42, л. 100.

⁴⁴ Там же, л. 272.

⁴⁵ Поскольку этнографические дневники Кона не были известны, существовало ошибочное мнение, что записи тувинских фольклорных произведений, опубликованные им, были сделаны на русском языке. См. Л. В. Гребнев, Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа), М., 1956, стр. 5.

⁴⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, ед. хр. 42, лл. 191—193, 213—220.

⁴⁷ Там же, лл. 222—225об.

кованы; не издана также сказка «О Чингиз-Хане»⁴⁸. Сказка «О царе черни» и «О молодце Хайтыкаре»⁴⁹, а также часть записанных Коном песен опубликованы в русском переводе⁵⁰.

Собранные Коном и приведенные в дневнике интересные материалы по терминологии родства⁵¹, народной медицине, часть материалов по шаманству⁵² и некоторые другие не были изданы.

В архиве Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде⁵³ содержится переписка Ф. Кона с заведующим этнографическим отделом Русского музея Д. А. Клеменцом, затрагивающая, в частности, вопросы методики собирания этнографических коллекций. Феликсом Коном была создана наиболее полная этнографическая коллекция по тувинцам, хранящаяся в Государственном музее этнографии народов СССР и насчитывающая около тысячи предметов⁵⁴.

Весной 1904 г., после двадцатилетнего пребывания в тюрьмах и ссылке, Кон выехал из Минусинска и получил разрешение поселиться в Польше под строгим надзором полиции. В 1906 г. Кон был вновь арестован в Варшаве за революционную деятельность, но ему удалось бежать за границу. Поселившись в Галиции, он работал над историей революционного движения в России. Во Львове он издал на польском языке книгу «История революционного движения в России от 1861 г. до разгона II Государственной думы»⁵⁵. В газете «Львовский курьер» был опубликован его рассказ «В якутской юрте». В рабочих клубах Дрогобыча он читал курс лекций о первобытном обществе, широко используя этнографические факты⁵⁶. Ему удалось также обработать часть материалов, собранных в Засаянской экспедиции. «Не до обработки материала тогда было!» — вспоминает он. «Очутившись в 1907 году в эмиграции без копейки денег, я должен был много работать, чтобы просуществовать, для обработки материала оставалось времени немного, и я успел обработать лишь часть материала об Усинском пограничном округе, которая так в неоконченном виде и была напечатана»⁵⁷. Ее опубликовал в 1914 г. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества⁵⁸. В предисловии к книге известный сибиревед Н. Н. Козьмин отмечает, что из материалов, собранных Коном, многое осталось неразработанным; тем не менее, учитывая большую ценность подготовленной их части и в надежде получить от Кона позднее остальное, работу было решено напечатать⁵⁹.

Книга открывается естественноисторическим очерком. В нем даны сведения по географии Усинского округа, занимавшего южную часть

⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, ед. хр. 42, л. 169—174.

⁴⁹ Там же, лл. 177—178.

⁵⁰ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. III, стр. 176—202.

⁵¹ ЦПА ИМЛ, ф. 135, ед. хр. 42, лл. 139—141, 142, 143, 167.

⁵² Там же лл. 64—66, 74, 150—153.

⁵³ Архив ГМЭ, фонд 1, оп. 2, д. 34.

⁵⁴ Так, например, коллекции №№ 439, 454 включают главным образом одежду, №№ 469, 472 — материалы по утвари и жилищу, №№ 486, 624 — орудия сельского хозяйства, № 626 — орудия и принадлежности ремесла, №№ 635, 636 — орудия охоты и рыболовства, № 650 — предметы, связанные с шаманством, №№ 630, 633 — предметы народного искусства, игрушки.

⁵⁵ Книга была позднее переработана и издана на русском языке, см.: Ф. Кон, История революционного движения в России, т. I, Харьков, 1929.

⁵⁶ Устное сообщение автору настоящей статьи дочери Ф. Я. Кона — Лидии Феликсовны Кон, за что пользуюсь случаем принести ей глубокую благодарность.

⁵⁷ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. III, стр. 220.

⁵⁸ Ф. Кон, Усинский край, «Записки Красноярского подотдела ВСОРГО», Записки по географии, т. II, вып. II, Красноярск, 1914; см. также рецензию на эту книгу В. А. Ватина, «Сибирский архив», 1915, № 10, стр. 483—488.

⁵⁹ Там же, стр. 12.

Енисейской губернии и граничившего на севере и северо-западе с Минусинским уездом и на востоке, юге и юго-западе — с Урянхайской землей (Тувой). В книге подробно рассмотрена история взаимоотношений России с Тувой. Кон пишет о русских посольствах к алтын-ханам, владевшим Тувой в XVII в., приводит важные выдержки из документов того времени, характеризующих деятельность этих посольств, в частности, документ о присяге алтын-хана в 1634 г. в подданстве России, анализирует Буринский и Кяхтинский договоры, заключенные в 1727 г.

В 1934 г. был опубликован очерк «Экспедиция в Сойотию», составляющий третий том сочинений Кона, объединенных общим названием «За пятьдесят лет»⁶⁰.

Вся книга Кона проникнута глубоким уважением к тувинскому народу, сочувствием к его тяжелому положению в дореволюционное время, когда Тува находилась под властью маньчжуро-китайской империи. Не случайно поэтому раздел «Суд и наказание», в котором Кон описывает жестокую систему пыток, применявшихся к тувинским аратам, предваряет этнографическую часть книги.

Большое место в книге отведено верованиям. Кон пишет о развращенности и паразитизме ламаистской верхушки, подробно рассказывает о встречах с шаманами и приводит описание камланий.

Кон первым из исследователей обратил внимание на различия в шаманстве у западных и восточных тувинцев. Последующими исследованиями, опиравшимися на эти указания Кона, было установлено, что тувинское шаманство делится на два типа — западное и восточное и что это в свою очередь вызвано историческими особенностями происхождения тувинцев.

В меньшей мере охарактеризована в книге хозяйственная деятельность и материальная культура тувинцев. Но и те сведения, которые привел Кон в своей книге, имеют очень большую ценность.

Кон обратил внимание на процессы положительного влияния русской культуры на хозяйственное развитие Тувы. Он пишет, что в «Китайской стене», отделявшей тувинцев от России и родственных им качинцев, сагайцев и других народов, была пробита брешь, и это обстоятельство оказало влияние на культуру тувинцев и их быт⁶¹.

Отмечая прогрессивное влияние русской культуры, Кон вместе с тем с возмущением пишет о грабительском характере долговой торговли купцов, о том, что взимавшиеся проценты «могли возрасти до бесконечности»⁶².

К сожалению, глава о скотоводстве, которое для большинства тувинцев составляло основу хозяйственной деятельности, одна из наиболее кратких. Относительно подробные сведения приведены лишь о коневодстве⁶³. В следующей главе автор сжато рисует картину состояния земледелия, подчеркивая его крайне низкий уровень.

Глава о ремеслах небольшая, но насыщенная материалом. Кон пишет в ней о тонком художественном вкусе и большом мастерстве куз-

⁶⁰ Ф. Кон, Экспедиция в Сойотию, «За пятьдесят лет», т. III. Книга включает следующие основные разделы: «Суд и наказание у сойотов», «Верования сойотов», «Шаманизм», «Охота и рыболовство», «Скотоводство», «Земледелие», «Ремесла», «Игры и развлечения», «Народные празднества», «Отношение к женщине, брак и семья», «Беременность, роды и уход за ребенком», «Род (клан)», «Административное управление», «Подати и поборы», «Жилище и его принадлежности», «Одежда и наряды», «Пища и питье», «Народное творчество». Книга иллюстрирована фотографиями, выполненными Коном.

⁶¹ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. III, стр. 167.

⁶² Там же, стр. 219.

⁶³ Там же, стр. 103—106.

нецов. Кратко характеризуя народное искусство тувинцев, Кон полагал, что тувинский орнамент «заимствован у монголов и китайцев»⁶⁴. В действительности, хотя заимствования и были, у тувинцев сохранился во многих чертах самобытный орнамент, в особенности в резных узорах на деревянной утвари. Более или менее сильное влияние монгольского и китайского искусства сказалось главным образом в росписи на сундуках и в металлических украшениях⁶⁵. К сожалению, в книге оказался совершенно не упомянутым такой интересный и своеобразный вид народного прикладного искусства, как вырезывание силуэтных фигурок из бересты, распространенный у восточных тувинцев. Впрочем в коллекции Кона этот вид искусства представлен образцами, собранными им у тоджинцев⁶⁶.

В своих экспедиционных исследованиях Кон стремился не только фиксировать этнографические явления, которые он имел возможность наблюдать, но и по возможности устанавливать их происхождение и развитие. В книге имеются многочисленные примеры исторического подхода к этнографическим фактам.

Характеризуя одежду тувинцев, Кон указывает, что костюм тувинцев претерпевает те же изменения, какие претерпели все другие стороны их быта. Кон отмечает, что «покрой женской шубы еще недавно был тождественен с покроем шубы качинок, подол шубы изнутри стягивался в сборки протянутыми жилами; теперь об этом знали лишь дряхлые старухи. Такие шубы исчезли, и их сменили шубы монголо-бурятского покроя»⁶⁷. Этот вывод Кона имеет существенное значение для изучения культурной истории Тувы, свидетельствуя, о том, что проникновение сюда монгольского влияния особенно усилилось в XIX в. и что до этого одежда тувинцев заметно отличалась от монгольской.

В сравнительно небольшой главе о жилище и его принадлежностях значительный интерес представляют отмеченные Коном социальные различия в аале — кочевом поселении тувинцев.

Не останавливаясь на описании юрты, которая, по мнению автора, аналогична монгольской, он подчеркивает, что в «убранстве юрты огромную роль играет зажиточность юртохозяина»⁶⁸. В главе «Пища и питье» Кон говорит главным образом об особенностях приготовления молочных блюд, которые имели очень важное значение в питании тувинцев.

Более подробно и очень живо описаны игры и развлечения, народные празднества, народное творчество. Специальная глава посвящена отношению к женщине, браку и семье. О положении женщины в семье Кон пишет, что оно находилось в «строгой зависимости от зажиточности и положения, занимаемого мужем. В богатых семьях жена ничего не делает, если не считать делом покрикивание на разбаловавшихся детей или мелкой работы по дому; в бедных семьях женщина была завалена работой до усталости, до изнеможения»⁶⁹. Представляет интерес описание некоторых обрядов тувинской свадьбы⁷⁰.

⁶⁴ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. III, стр. 111.

⁶⁵ См.: С. И. Вайнштейн, Прикладное искусство тувинцев, «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. XI, Кызыл, 1964, стр. 257—270.

⁶⁶ Государственный музей этнографии народов СССР, coll. № 630-114, 630-122 и др. Коллекция включает реалистически выполненные изображения оленей, лошадей, косули, всадника, едущего на олене, и др.

⁶⁷ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. III, стр. 167.

⁶⁸ Там же, стр. 165.

⁶⁹ Там же, стр. 137.

⁷⁰ Там же, стр. 130—133.

Кон был первым ученым, пытавшимся на основе полевых этнографических материалов решить вопрос о характере социальных отношений у тувинцев в начале XX в. В позднейших работах, посвященных социальным отношениям тувинцев, в особенности в книге Дулова, Кону приписывалось мнение, что тувинское общество в начале XX в. было доклассовым⁷¹. При этом Дулов высказывает предположение, что на Кона оказало значительное влияние сообщение Яковлева и других исследователей о родовых отношениях у тувинцев⁷².

Однако внимательное изучение книги Кона и его дневников показывает, что с такой оценкой взглядов Кона нельзя согласиться. Кон действительно придавал важное значение изучению пережитков родовых отношений. Он писал: «Целый ряд сбивчивых сведений о роде у сойотов, появившийся в печати до моей экспедиции, заставил меня с особенной тщательностью заняться этим вопросом»⁷³. В результате своих исследований Кон пришел к выводу, что основные атрибуты родового строя у тувинцев не сохранились, что можно говорить лишь о больших или меньших его пережитках. Кон пишет: «В старину род («сумо»⁷⁴) в лице патриарха решал судьбу всех членов рода, а члены рода отвечали друг за друга. Существовала и кровная месть. Во время моей экспедиции все это сохранилось лишь как легенда»⁷⁵. Касаясь родовых делений, Кон отмечал, что во время его экспедиции «административное деление настолько переплеталось с родовым, что одно от другого было весьма трудно отделить»⁷⁶.

Вместе с тем, Кону удалось выявить и описать ряд остаточных явлений родовых отношений у тувинцев. Таких, как сохранение родовых названий у некоторых групп, пережитков экзогамии («браки в пределах клана допускался лишь при условии, что родство со стороны отца не ближе восьмого колена»), обычая коллективного раздела некоторых видов охотничьей добычи, добрачной половой свободы девушек. Особенно сильны были, по мнению Кона, пережитки родовых отношений у восточных тувинцев-оленьеводов, где в обычае «уджа» («ужа». — С. В.) при распределении охотничьей добычи сохранились «остатки первобытной коммуны»⁷⁷. Однако тут же Кон подчеркивает, что «это пережиток старины»⁷⁸.

Но наряду с описанием пережитков родовых отношений, Кон, на что мы уже указывали выше, обращал пристальное внимание на факты социального расслоения в тувинской среде, на резкое имущественное неравенство тувинцев и в жилище, и в одежде, и в пище. Характеризуя тувинский улус, Кон пишет: «При въезде в улус сразу бросается в глаза одна юрта больше и как бы прочнее остальных. Это юрта богача, от имени которого улус получил название. Возле такой юрты ютятся три, четыре, редко больше, юрты бедняков, пользующихся лошадьми и рогатым скотом богача по мере нужды и являющихся (по мере потребности в них) пастухами табунов «бай кизи» (богача) или его «эджим» — товарищами-слугами»⁷⁹. В своем дневнике Кон высказал мнение, что такие отношения основаны на «взаимопомощи»⁸⁰. Этим, видимо, Кон

⁷¹ В. И. Дулов, Указ. раб., стр. 13.

⁷² Там же.

⁷³ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. III, стр. 143.

⁷⁴ Род у тувинцев назывался сёек. Здесь Кон допускает неточность.

⁷⁵ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. III, стр. 146.

⁷⁶ Там же, стр. 143.

⁷⁷ Там же, стр. 97.

⁷⁸ Там же, стр. 98.

⁷⁹ Там же, стр. 165.

⁸⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1. ед. хр. 42, л. 267.

хотел подчеркнуть ту сторону отношений в улусе, при которой эксплуатация, в собственном смысле слова, тщательно прикрыта патриархально-родовыми формами взаимопомощи.

Было бы ошибкой думать, что Кон мог считать общество, где одновременно существовали непомерное богатство и роскошь одних и ужасающая бедность других людей — доклассовым обществом с родовым строем. Кон фиксировал не только социальное расслоение в тувинской среде, но и отмечал социальные противоречия, свойственные классовому обществу. Так, в дневнике Кона сохранилась запись о том, что по правому притоку Енисея ниже Чаа-Холя живут тувинцы различных сумонов, образовавшие там «нечто вроде Запорожской сечи. Это удалые добрые молодцы, бежавшие от преследования своих властей и скрывающиеся там в горах. Ни один чиновник не решается туда приехать и они благодаря этому не вносят никакого албана»⁸¹.

Кон, правильно описав тувинское общество начала XX в., не смог осмыслить и раскрыть социальную сущность сложных общественных явлений, в которых переплетались еще сильные пережитки родового быта и не вполне развитые еще феодальные отношения.

В целом же характеристика общественного строя в Туве, данная Коном, не противоречит той, которая в позднейших трудах советских ученых получила название патриархально-феодальных отношений⁸².

Революционный опыт и знания Кона после победы Октябрьской революции оказались необходимыми для большой партийной и государственной работы, и он не смог продолжить свои этнографические научные изыскания. Но до последних дней жизни (Ф. Кон умер 28 июля 1941 г.) он сохранял глубокий, возникший еще в юные годы интерес к этнографии и национальным проблемам.

В историю отечественной этнографии Кон вошел как ученый-революционер, как крупный исследователь народов Сибири.

SUMMARY

Of great importance in the ethnographic study of Siberia at the end of the 19th — the beginning of the 20th centuries were the researches by revolutionaries in exile. An important place among them belongs to researches by Felix Ya. Kon (1864—1941).

After serving his term of hard labour, F. Kon was settled in Yakutia. There he began ethnographic and anthropological studies among Yakuts and took part in the Sibiryaakov ethnographical expedition. As the result he published articles and a monograph «Physiological and Biological Data on the Yakuts». Later on F. Kon went to live in Minusinsk, where he worked on material of the local museum, studied the ethnography of old Russian residents in Siberia and also went on a long expedition to Tuva.

The writer of this article has found in archives Kon's unpublished manuscripts, which make possible considerably to extend our knowledge of Kon as a scientist and revolutionary, an outstanding student of the peoples of Siberia.

⁸¹ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, ед. хр. 42, л. 275.

⁸² Л. П. Потапов, К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у коचेvников, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1947, вып. III, стр. 66—69; В. И. Дулов, Указ. раб.